

В. М. Духопельников

Н. М. КАРАМЗИН И Н. И. КОСТОМАРОВ: ДВА ИСТОРИКА В ОДНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье в сравнительном плане рассматривается творчество Н.М. Карамзина и Н.И. Костомарова. Утверждается, что в центре внимания этих историков был народ, его судьбы. Это дает основание и того, и другого относить к романтической историографии. Между тем, следует учитывать, что романтизм не являл собой однородное идейное течение, а также эволюционировал с течением времени. Соответственно, высказано мнение о том, что Карамзин и Костомаров представляют собою (и хронологически, и идейно) своего рода полюса романтической историографии.

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, историография, романтизм.*

Н.М. Карамзин и Н.И. Костомаров – два титана эпохи романтизма, внесшие существенный вклад в изучение истории России и Украины. Однако их сближает и то, что их также можно назвать писателями, публицистами, этнографами, палеографами. Творческое наследие и Н.М. Карамзина, и Н.И. Костомарова стало объектом пристального внимания нескольких поколений исследователей. В частности, отметим работы А. Богданова [1], В. О. Ключевского [8, 9], Ю.М. Лотмана [17], Ю.А. Пинчука [20], С.Ф. Платонова [21], С.О. Шмидта [24]. Между тем, сравнительный анализ творчества этих двух выдающихся историков до сегодняшнего дня так и не был осуществлен. В наше время в отечественной исторической науке произошло возрождение некоторых черт историографии эпохи романтизма, что заставляет нас еще раз вернуться к анализу такого сложного историографического явления как романтизм. Таким образом, компаративистский анализ творческих достижений двух знаменитых представителей этого направления истори-

ческой мысли актуален не только в связи с их юбилеями в этом году (250 лет Н.М. Карамзину и 200 лет Н.И. Костомарову). Безусловно, разница в пятьдесят лет выглядит как существенная при таком сравнении, но, все же, полагаем, что мы можем говорить и об общем историографическом контексте (имеется в виду как романтическая историография, так и те факторы, которые определили оценки творчества этих двух историков последующими поколениями ученых).

Исследователи, определяя вклад этих ученых в историческую науку стремились, прежде всего, выявить специфику их взглядов. В результате, в первом приближении, их творчество выглядит как разнонаправленное: в центре внимания Н.М. Карамзина пребывает власть, а у Н.И. Костомарова – народ. И все же, насколько они далеки друг от друга?

Попытаемся ответить на этот вопрос, сопоставляя труды самих историков, а также анализируя воспоминания современников и компетентные суждения исследователей их творчества.

Николай Михайлович Карамзин (1.XII.1766 – 22.V.1826) родился в дворянской семье. Уже в конце XVIII – начале XIX в. он стал известным писателем и публицистом, выступил как основатель и редактор «Московского журнала» (1791–1792) и «Вестника Европы» (1802–1803), приобрел популярность как автор ряда литературных произведений, основоположник русского сентиментализма. Во многом этому способствовало путешествие по Западной Европе в 1789–1790 гг., когда он окупнулся в интеллектуальную атмосферу, наэлектризованную идеями Великой Французской революции. Его деятельная натура, получив такой мощный импульс, готова была к реализации новаций и на российской почве. Но своим поприщем он видел не политику, а литературу. Н.М. Карамзин писал: «Гений живет во всех климатах, и в России также есть люди с дарованием. Они достаточно скромны, чтобы не оспаривать пальмы признания у французских или немецких литераторов, но, читая их бессмертные творения, они могут сказать себе: «И мы художники!» [6, с. 449]. Впрочем, уже в начале XIX в. Н.М. Карамзин заявил о себе не только как писатель, но как историк, своими историческими работами положив начало ново-

му етапу в розвитку російської історическої науки. Очевидно, ідея зайнятися изучением и написанием російської історії, як відзначає більшість дослідників, також виникла у нього во время путешествия в Європу [5 и др.]. Об этом, собственно, свидетельствуют и его письма. Так, в письме из Парижа (май 1790 г.) он, ознакомившись с содержанием «Российской истории» Левека, пишет: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть, писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием. Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон – вот образцы! Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и прочих могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только Русских, но и чужестранцев... У нас был свой Карл Великий: Владимир; свой Людовик XI – Царь Иоанн; свой Кромвель – Годунов и ещё такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей Истории, и даже в Истории человечества» [5, с. 252-253]. Из этих писем историка видно, что Карамзин не просто ознакомился с достопримечательностями Европы, но стремился сравнивать то, что он видел, с российской действительностью. Это настроение можно заметить в следующем утверждении: «Когда Петр Великий разорвал занавес, скрывающий от наших глаз цивилизованные нации Европы и их успехи в искусствах, русский, униженный чувством своего несовершенства, но чувствовавший себя способным к просвещению, захотел подражать иностранцам во всем: как в образе жизни, так и в одежде, как в правах, так и в искусстве... наша поэзия и наша литература сделались отголоском и копией их поэзии и их литературы» [6, с. 450].

Значительное внимание в своих письмах Карамзин уделил описанию событий в революционном Париже и Лондоне. Ему прежде всего интересны общественные настроения. Так, в письме из Парижа, апрель 1790 года, Карамзин отмечает: «Не думайте однакожь, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует; все другие смотрят, су-

дят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре. Те, которым потерять нечего, дерзки как волки; те, которые всего могут лишиться, робки как зайцы; одни хотят все отнять, другие хотят спасти что-нибудь. Оборонительная война с наглым неприятелем редко бывает счастлива. История не кончилась; но по сие время Французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона» [5, с. 226]. Позже Карамзин пронизательно запишет: «Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все авгуры и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод» [5, с. 194]. Но Н.М. Карамзин далек от того, чтобы объяснить все исключительно разгулом низменных страстей. Подводя итог своим впечатлениям о событиях во Франции, он запишет: «Французский народ прошел через все степени цивилизации, чтобы оказаться на той вершине, на которой он находится в настоящее время... Французская революция – одно из тех событий, которые определяют судьбы людей на много последующих веков» [6, с. 453–454].

Характеризуя литературную жизнь Англии, Н.М. Карамзин отметил, что именно Англия дала миру лучших романистов и историков: Ричардсона, Фильдинга, Робертсона, Юма, Гиббона. Они «вливали в Историю привлекательность любопытнейшего романа, умным расположением действий, живописью приключений и характеров, мыслями и слогом» [5, с. 369]. Одновременно Карамзин не преминул обратить внимание на быт и досуг англичан, в том числе сравнив их с другими европейскими народами: «Британцы хвалятся тем, что могут досыта дурачиться, не давая никому отчета о своих фантазиях. Уступим это преимущество, друзья мои, и скажем себе в утешение: если в Англии позволено *дурачиться*, у нас не запрещено *умничать*; а последнее не редко бывает смешнее первого... Наконец – есть ли бы одним словом надлежало означить народное свойство Англичан – я назвал бы их угрюмыми, так как Французов легкомысленными, Итальянцев – коварными. Видеть Англию очень приятно; обычаи народа, успехи просвещения

и всех искусств достойны примечания, и занимают ум ваш... Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из неё без сожаления» [5, с. 384]. В последнем письме путешественника можно увидеть как результат соответствующей аналитической работы ума, так и программу собственных действий: «Я видел главные народы Европы, их нравы, обычаи, оттенки характеров, происходящие от разницы климатов, степени просвещения и в особенности, формы правления... Я хочу быть полезным моей родине; я хочу быть достойным уважения публики... я могу этого добиться, трудясь на поприще лучшего из искусств – искусства слова источника стольких наслаждений для тонких душ, столь заполняющего пустоту жизни» [6, с. 456].

Как известно, главным трудом Н.М. Карамзина стала «История государства Российского». Уже название этого произведения позволяет многим нашим современникам видеть в авторе апологета самодержавия, утверждать, что в основе повествования все та же династическая история. Однако, если вчитаться в текст самого Карамзина, то мы увидим, как много внимания уделено народу. Уже в предисловии он написал: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего». В другом месте он отметил: «Всякая история, даже и искусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний, – тем более отечественная... Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии, личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, значит любим себя... Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем» [4, с. IX–X]. Тот же подход проявляет Н.М. Карамзин, анализируя состояние своей страны: «Не надо быть русским – надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны, никому дотоле не известные, внес их в общую систему географии, истории и просветил божественною верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке, но единственно примером лучшего» [4, с. XII].

Творчество Н.М. Карамзина получило неоднозначные оценки историков, публицистов, писателей как при жизни историка, так и у последующих поколений. При этом каждый из авторов видел по-своему значение «Истории государства российского».

А.С. Пушкин по поводу выхода в свет «Истории» писал: «Появление сей книги в феврале 1818 года наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) – пример единственный в нашей земле... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени ни о чем другом не говорили... У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина... Ноты (документы) «Русской истории» свидетельствуют обширную ученость Карамзина»... «Наша словесность с гордостью может выставить перед Европой Историю Карамзина, несколько Од Державина, несколько басен Крылова» [23, с. 463]. В ответ на критические замечания на труд Карамзина А.С. Пушкин писал: «Он рассказывал со всею верностью историка, он везде ссылался на источники (более 6500 сносок), чего же более требовать от него? Повторяю, что История Государства Российского есть создание не только великого писателя, но и подвиг честного человека» [23, с. 413]. В статье «О народном воспитании» А.С. Пушкин снова подчеркнул, что «Историю Русскую должно будет преподавать по Карамзину. История Государства Российского есть произведение не только великого писателя, но и подвиг честного человека» [22, с. 311–312].

В.Г. Белинский, в свою очередь, отмечал роль Н.М. Карамзина как «первооткрывателя» российской истории: «Везде и во всем Карамзин является не только преобразователем, но и начинателем, творцом. Сама «История Государства Российского» – это важнейший труд его есть не что иное, как начало первых оснований, камень здания, исторического изучения исторических трудов в России... Без Карамзина русские не знали бы истории своего отечества... «История Государства Российского» творение великое»... «Карамзин был великий гений и его творения вечны и равно свежи для настоящего и будущего, как они были для прошедшего» [1, с. 207–208].

Для Н.И. Костомарова имело значение то, как Карамзин показывал роль личности и типичные черты российского деспотизма. В частности, упоминая личность Ивана Грозного, подчеркнул: «Карамзин именно на этой части русской истории показал всю силу своего таланта более, чем на всякой другой, и с замечательной верностью угадал характер этой личности» [12, с. 5].

Достаточно критично, хотя и не без похвалы, охарактеризовал творчество Карамзина В.О. Ключевский: «Карамзин смотрит на исторические явления, как смотрит зритель на то, что происходит на театральной сцене... Герои Карамзина действуют в пустом пространстве, без декораций, не имея ни исторической почвы под ногами, ни народной среды вокруг себя... Он не объяснил? не обобщил, а живописал, морализировал и любовался, хотел сделать из истории России не похвальное слово русскому народу, как Ломоносов, а героическую эпопею русской доблести и славы... Конечно, он много помог русским людям лучше понимать свое прошлое; но ещё больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической русской наукой» [8, с. 488–489].

Для С.Ф. Платонова, возможно, большее значение имело то, что у Карамзина соотношение России и Европы основывается на убеждении в единстве развития человечества: «В произведениях своих Карамзин вовсе упразднил вековое противоположение Руси и Европы как различных и непримиримых миров; он мыслил Россию как одну из европейских стран и русский народ как одну из равнокачественных с прочими нациями... Карамзин не устранял от культурной жизни свой народ. Он признавал за ним право на моральное равенство в братской семье европейских народов. Как человек, так и народ, – писал он – начинает всегда подражанием, но должен со временем быть сам собой, чтобы сказать: я существую нравственно» [21, с. 8–9].

В советской историографии, при характеристике творчества Карамзина, непременно отмечалось, что историю народа он посвятил царю. Так, в «Очерках истории исторической науки в СССР» читаем: «Основная идея «Истории государства Российского» заключалась в том, что Россия как в прошлом, так и в настоящем держалась

и держится на самодержавии. По мнению Карамзина, движущей силой русского исторического процесса всегда выступала самодержавная власть... Его «История государства Российского» имела строго официальное, можно сказать, служебное назначение» [19, с. 278].

Таковы главные оценки одного из зачинателей романтической историографии в России. В них можно увидеть как спектр мнений, так и определенную эволюцию оценок. Очевидно, что многое зависело от того, кто и когда высказал такие мнения.

Николай Иванович Костомаров (16.V.1817 – 7.IV.1885) также родился в дворянской семье, хотя его мать была из крепостных. Традиционно считается, что Костомаров, в отличие от историков «государственной» школы, считал, что двигателем развития является народ. Действительно, Н.И. Костомаров в ходе такой полемики писал: «Нет ничего ошибочнее и поверхностнее взгляда тех историков, которые, не вдаваясь в исходы явлений, без дальних рассуждений, готовы приписывать все, совершенное в монархическом государстве, сидевшим тогда на престоле государям, довольствуясь, как будто только тем, что их именами производились все дела» [12, с. 7]. Аналогичное мнение можно найти в его автобиографии: «От чего это во всех историях толкуют о выдающихся государственных деятелях, иногда о законах и учреждениях, но как будто пренебрегают жизнью народной массы? Бедный мужик, земледелец, труженик, как будто не существует для истории; отчего история не говорит нам ничего о его быте, о его духовной жизни, о его чувствованиях, способе проявлений его радостей и печалей? Скоро я пришел к убеждению, что историю нужно изучать не только по мертвым летописям и запискам, а и в живом народе. ... [начать] с изучения своего русского народа; а так как я жил тогда в Малороссии, то и начать с его малорусской ветви» [16, с. 446].

Костомаров одним из первых осознанно поставил в центр украинской истории жизнь простого народа: «История скользила только по дворцам да армиям, нацией признавались только привилегированные классы, и никто не желал нужным знать, как говорит, чувствует, действует, живет народная масса» [13, с. 569]. И, очевидно, это произошло еще в период его обучения в Харьковском универ-

ситете. После окончания университета Н.И. Костомаров уехал в г. Острогжск. Здесь он поступил на службу в Кинбурнский драгунский полк, однако большую часть времени проводил, занимаясь историей. В городском архиве уездного суда сохранилось много документов казачьего полка с момента его основания. К их изучению и приступил молодой историк. Позже Костомаров запишет: «История сделалась для меня любимым до страсти предметом» [16, с. 446]. Н.И. Костомаров, возвратившись осенью 1837 г. в Харьков, принялся с жадностью изучать всю имевшуюся в то время в Харькове литературу о местной истории, обратил внимание на устное народное творчество. В частности, малорусские песни поразили Костомарова своей неподдельной прелестью, укрепили его желание изучать украинскую народную поэзию. Костомаров писал: «Малорусские песни до того охватили все мое чувство и воображение, что в какой-нибудь месяц я уже знал многие из них наизусть» [16, с. 447]. Николай Иванович в 1839 г., под впечатлением украинских песен, а также статей, опубликованных в фольклорно-историческом сборнике «Запорожская старина», который издавал И. И. Срезневский, опубликовал сборник своих стихов «Українські балади» и пьесу «Сава Чальый» [16]. В 1841 г. вышел из печати второй поэтический сборник «Вітка» [10].

В конце 1840 г. Н.И. Костомаров приступил к написанию первой исторической работы. Ею стала магистерская диссертация «О причинах и характере унии в Западной России» [16, с. 453–455]. Как известно, министр народного просвещения граф С. С. Уваров запретил защиту и предписал уничтожить все экземпляры диссертации [16, с. 457]. Мы можем предположить, что диссертация действительно содержала некоторые спорные на тот момент утверждения и погрешности. Н.И. Костомаров вспоминал, что в тот период «О прошедшей истории Малороссии, я имел сведения преимущественно по Бантышу-Каменскому» и «Истории руссов» Конисского, источника, «весьма смутного» [16, с. 449]. Но, собранный материал не пропал даром. Очевидно, что часть его вошла в произведения «Князь Константин Константинович Острожский», «Киевский митрополит Петр Могила», «Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий и их преемники» и, конечно же, «Южная Русь в конце XVI века» [14].

Министр разрешил Н.И. Костомарову писать и защищать новую работу, что тот и сделал. В 1844 г. он представил и защитил диссертацию на тему: «Об историческом значении русской народной поэзии». Украинский историк Ю. Пинчук подчеркнул, что «Это была первая на Украине диссертация историко-этнографического характера» [20, с. 38]. Консервативная профессура скептически отнеслась и к этой работе. Без восторга воспринял её и В.Г. Белинский. В «Отечественных записках» он писал: «Народная поэзия есть такой предмет, которым может заниматься только тот, кто не в состоянии, или не хочет заняться чем-нибудь дельнее» [16, с. 461]. Костомаров не соглашался с таким мнением. В работе «Об отношении русской истории к географии и этнографии», он подчеркивал: «история, занимаясь народом, имеет целью изложить движение народа».

Заметим, что он разрабатывал также сюжеты из истории России. Написанные в 60–70-х годах XIX столетия «Очерки торговли Московского государства в XVI–XVII столетиях», «Бунт Стеньки Разина», и, конечно же, «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» поставили Н.И. Костомарова в первый ряд историков России [12–16 и др.]. В этих работах он продолжал придерживаться своей основной линии. Так, во вступительной части своего курса истории России, полемизируя с М.П. Погодиным и другими историками по поводу Куликовской битвы, «Смутного» времени, начала единодержавия на Руси, Костомаров подчеркивал: «народная духовная жизнь» является основой и объяснением «всякого политического события, поверка и суд всякого учреждения и закона» [11, с. I–XIV].

Такой подход красочного описания народной жизни вскоре станет восприниматься как само собою разумеющийся, хотя и не без доли иронии. В частности, уже В.О. Ключевский о творчестве Н.И. Костомарова писал так: «Русская история была для него музеем, наполненным коллекцией редких или обыкновенных предметов. Он равнодушно проходил мимо последних и останавливался перед первыми, долго и внимательно любясь ими... Через несколько времени читающая публика получала прекрасную монографию в одном или в двух томах и прочитывала её с наслаждением, отни-

мавшим всякую охоту спрашивать, как и из каких материалов эта привлекательная повесть... Мы говорим: пусть патентованные архивариусы лепят из архивной пыли настоящих Грозных, Богданов, Разиных – эти трудолюбивые, но мертвые слепки будут украшать археологические музеи, но нам нужны живые образы, и такие образы дает нам Костомаров. Все, что было драматичного в нашей истории, особенно в истории нашей юго-западной окраине, все это рассказано Костомаровым, и рассказано с непосредственным мастерством рассказчика, испытывающего глубокое удовольствие от своего собственного рассказа» [9, с. 177–178].

В советское время «народолюбство» Н.И. Костомарова получило весьма своеобразную оценку. Так, в «Очерках истории исторической науки в СССР» читаем: «Не следует, однако, переоценивать остроту тех разногласий, которые разделяли Костомарова и государственников. Их сближали общий страх перед народной революцией и общая установка на «реформу сверху». ... Костомаров вошел в историографию в первую очередь как выразитель взглядов и интересов зарождавшегося украинского буржуазно-помещичьего национализма» [20, с. 145–146].

Таким образом, можно констатировать, что в центре научных трудов и Карамзина, и Костомарова был народ, его судьбы. Оба ставили своей задачей вывести этого нового героя на сцену истории, сделать равноправным участником европейского и мирового исторического процесса. Но, безусловно, их работы имеют и принципиальные отличия. Для того, чтобы последние не стали основой для абсолютного противопоставления, следует учитывать специфику романтизма как такового. В частности, необходимо вспомнить, что уже давно романтизм, как широкое идейное течение, подразделяют на направления (консервативное, либеральное, демократическое). Классическим в этом плане выглядит пример Франции. Как известно, консервативное крыло представляют такие историки как Жозеф де Местр (1753–1821), Луи де Бональд (1754–1840), Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848) и др. Именно эти историки заложили основы нового (романтического) взгляда на историю. Либеральное течение, которое представлено именами Франсуа Гизо (1787–1874), Огюстена Тьерри (1795–1856),

Франсуа Минье (1796–1884), а также демократическое течение, представителем которого обычно называют Жюля Мишле (1798–1874), возникли несколько позже и символически объединяют следующее поколение историков. Нечто подобное происходило и в Российской империи. Первоначально романтизм предстал здесь также в своем консервативном варианте, и Н.М. Карамзин вполне соответствует этому этапу. Идею позицию Н.И. Костомарова можно охарактеризовать так – между либеральным и демократическим течениями. К слову, как известно, Д. Антонович называл Костомарова «украинский Тьерри». На наш же взгляд, его скорее можно назвать «украинский Мишле». Соответственно, Карамзин и Костомаров являют собою (и хронологически, и идейно) своего рода полюса романтической историографии. Будучи яркими, самобытными личностями и мыслителями, каждый из них занимает свое особое место в историографии, но контекст может быть для них и общим – романтизм.

1. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в 3-х т. – М., 1948. – Т. 3. – 677 с.
2. *Богданов А.* Послесловие к историческим монографиям и исследованиям Н. М. Карамзина / А. Богданов. – М., 1989. – С. 128–135
3. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России / Н. М. Карамзин. – СПб., 1914. – 133 с.
4. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского : в 4-х кн. 12 т. / Н. М. Карамзин. – М., 1988. – Кн. 1. – Т. 1.
5. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. –Л., 1984. – 716 с.
6. *Карамзин Н. М.* Письмо в «Зритель» о русской культуре / Н. М. Карамзин // Письма русского путешественника. – Л., 1988. – С. 449–456.
7. *Карамзин Н. М.* Повести и смесь : соч / Н. М. Карамзин.– СПб., 1848. – Т. 3. – 742 с.
8. *Ключевский В. О.* Н. М. Карамзин / В. О. Ключевский // Исторические портреты. – М., 1990. – С. 488–489.
9. *Ключевский В. О.* Н. И. Костомаров / В. О. Ключевский // Неопубликованные произведения. – М., 1983. – С. 177–178.

10. Костомаров Н. И. Ветка / Н. И. Костомаров. – Х., – 1840. – 88 с.
11. Костомаров Н. И. Вступительная лекция в курсе русской истории / Н. И. Костомаров // Собрание сочинений. Т. 29. – С. I–XIV.
12. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исторические исследования / Н. И. Костомаров. – М., 1989. – 229 с.
13. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей (репринтное издание) / Н. И. Костомаров : в 3 т. – М., 1990. – Т. 1. – 737 с.
14. Костомаров Н. И. Сава Чалый / Н. И. Костомаров. – Х., 1839. – 114 с.
15. Костомаров Н. И. Украинские баллады / Н. И. Костомаров. – Х., 1839. – 42 с.
16. Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография / Н. И. Костомаров. – К., 1989. – 735 с.
17. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. – М., 1987. – 336 с.
18. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. – СПб., 1862. – 357 с.
19. Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1955. – Т. 1.
20. Пинчук Ю. Исторические взгляды Н. И. Костомарова. Критический очерк / Ю. Пинчук. – К., 1984. – 213 с.
21. Платонов С. Ф. Н. М. Карамзин / С. Ф. Платонов. – СПб., 1912. – 23 с.
22. Пушкин А. С. О народном воспитании / А. С. Пушкин // Собрание сочинение : в 10 т. – М., 1978. – Т. 7. – С. 311–312.
23. Пушкин А. С. Опровержение на критику / А. С. Пушкин // Сочинения : в 3 т. – М. – Т. 3. – С. 463.
24. Шмидт С. О. Н. М. Карамзин и его «История государства Российского» / С. О. Шмидт // Карамзин Н. М. История государства Российского. – М., 1990. – С. 324–365.

Духопельников В.М. М.М. Карамзін та М.І. Костомаров: два історики в одному контексті

У статті в порівняльному плані розглядається творчість М. М. Карамзіна та М. І. Костомарова. Стверджується, що в центрі уваги цих істориків був народ, його доля. Це дає підставу і того, і іншого відносити до романтичної історіографії. Тим часом, слід враховувати, що романтизм не являв собою однорідну ідейну течію, а також еволюціонував з плином часу. Відповідно, висловлено думку про те, що Карамзін і Костомаров представляють собою (і хронологічно, і ідейно) свого роду полюси романтичної історіографії.

Ключові слова: М. М. Карамзін, М. І. Костомаров, історіографія, романтизм.

Dukhopelnikov V.M. M. M. Karamzin and M. I. Kostomarov: Two Historians In the Same Context

The article compares the work of N. M. Karamzin and N. I. Kostomarov. It is argued that the people and their destinies were the focus of these historians attention. It gives grounds to identify both of them as representatives of romantic historiography. However, it should be borne in mind that romanticism did not constitute a homogeneous ideological trend. Rather, it involves over time. Accordingly, the view was put forward that Karamzin and Kostomarov represented (in chronological and ideological sense) a kind of opposing poles of romantic historiography.

Keywords: N. M. Karamzin, N. I. Kostomarov, historiography, romanticism.